

УДК 323.215

Д.Ю. Сарайкина

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРАЗДНИКА

Представлена интерпретация когнитивной схемы политического праздника в приложении к российской политической реальности.

Ключевые слова: *праздник, культура, ценность, когнитивное, память.*

Сегодня явными представляются противоречивость и зыбкость российской политической культуры. Ценностный и идеологический лаг, образовавшийся после распада СССР, не заполняется новым опытом, который обеспечил бы воспроизводство политической культуры. В ряду эффективных механизмов актуализации ценностей политический праздник является сложным инструментом интериоризации важнейших элементов культуры (ценности, символы, память, прошлое и проч.), гармонизации отношения к прошлому, узаконивания истории и, соответственно, легитимации существующего режима.

В отличие от процветающих сегодня политических технологий и механизмов PR праздник не просто конструирует сиюминутный образ, а участвует в создании культурного опыта, при помощи эстетизации и символизации актуализирует коллективную память как важнейший элемент политической культуры. После распада Советского Союза изменения приобретают неясный и непредсказуемый характер, особенно в плоскости их восприятия. Постепенно складывающаяся в новый социальный порядок мозаика нормативных и фактических элементов нуждается в легитимации, осмыслении, эстетическом и моральном приобщении всех членов социума. Вследствие создания “священных пространств” на публичных площадках, совмещения в себе рационального и эмоционального аспектов политический праздник способен служить эффективным механизмом воспроизводства политической культуры, с одной стороны, ввиду своей включенности в культурный контекст, а с другой, благодаря своей антропологически закрепленной когнитивной схеме. Именно благодаря работе с механизмами мышления и обработки информации данный феномен совмещает в себе множество функций. Сегодня утраченное элитой понимание эффективности праздников отражается политическим процессом в его субъективном измерении, поэтому представляется необходимой актуализация значимости данного явления в когнитивном аспекте, как наиболее чувствительном к трансформации и сосредоточенном в плоскости политического знания. Усилия современной российской власти по праздничному оформлению этого знания не релевантны инфозапросам политической коммуникации, понимаемой как смыслонесущее послание. С другой стороны, народ совершенно разучился отмечать политические праздники потому, что они лишены ценностного наполнения и смысла.

Для того чтобы представить когнитивную специфику изучаемого явления, целесообразно обратиться к двум аспектам праздничного мира. В первых, проанализировать контекст, в который, собственно, предполагается

внедрять политические праздники, а следовательно, выявить задачи, которые сегодня стоят перед данным явлением. Во-вторых, исследовать когнитивную структуру праздника как замкнутого на себе смыслового мира, способа моделирования политической реальности, если использовать терминологию Ш. Эйзенштадта, построения модели “трансцендентального миропорядка”.

Проблематика контекста раскрывается исходя из того, что:

– препятствием для создания монолитной праздничной культуры является наличие нескольких идеологий, что подразумевает и разночтение в отношении ценностного содержания праздника;

– перед праздником стоит задача объяснять картину настоящего, легитимировать ее в дискурсе памяти, например примирения с разрушенным советским прошлым. Именно поэтому сегодня необходимо четко обозначить идеологические предпосылки внедрения праздников, выявить субъекта инициации. П. Рикёр в своем исследовании “История, память, забвение” актуализирует данную проблему: “Вопрос в том, как и кто будет определять политику памяти, если старые цензуры, селекции, комментирования и интерпретации будут отброшены” [1. С. 289].

В общественно-политическом дискурсе современной России одной из наиболее явных тенденций стало стремление “объяснить” постсоветскую картину мира в привязке к прошлому и концептуально утвердить дальнейший путь страны. Советское прошлое, разрушенное внезапно и не понятое до конца, продолжает жить в настоящем, что приводит к раздуванию в повседневности некоего апокалипсического поля для зыбких и неэффективных ввиду своей конъюнктурной обусловленности смыслов. Примерами могут служить выступления президента и премьера, систематически делающих акцент на необходимости формирования полноценных гражданских институтов в противовес тоталитарному прошлому, акцентирующих необходимость модернизации, а также создание теорий “для распознавания нового идеального мира” (концепция суверенной демократии, стратегия трех “И”). При этом среди этих попыток конструирования образа настоящего и будущего отсутствует полезный прагматизм. И здесь представляется необходимой кропотливая работа над культурным контекстом, над складыванием единого представления, идущего из прошлого и гармонично дополняемого образами и значениями настоящего.

Современный политический абсентеизм объясняется в том числе и утратой идентичности. В недавнем еще прошлом “советский человек”, мыслящий и воспринимающий мир соответствующим образом, был резко и без времени на адаптацию лишен привычных координат мира, своего советского “я”. История самоотрицается, на фоне этого самоактуализируется повседневность, а память заменяется воображением. П. Рикёр писал о том, что если воображение не связано с неким общим представлением на более глубоком уровне сознания, то “припоминание” становится актом манипуляции, то есть сводится к воображаемому образу, замещается им. Воображение манипулируемо, а в условиях современного информационного общества прошлое в интерпретации власти должно удовлетворять современным инфозапросам, которые стоит понимать достаточно широко, не сводя к потребности в техническом знании или рекламным образам. Однако, с другой стороны, воображение

способно сплачивать, рождать цельный, позитивный образ в том случае, если оно связано с некими основаниями политической культуры, то есть с общим представлением. Поэтому проблема современной политической культуры и дискурса власти в этом направлении состоит, скорее, не в нравственно сомнительном “редуцировании” прошлого (как и восхвалении или консервации), а в несовершенстве самой техники работы с ним, в неполном конъюнктурно ограниченном “обработывании” прошлого. И в данной связи политический праздник способен работать с прошлым именно в ценностном ключе, то есть закладывать смысл.

Таким образом, учитывая вышеозначенные проблемные аспекты, можно сделать выводы об условиях внедрения политического праздника. Рекомендуются сделать акцент на патриотических исторических праздниках (праздниках достижений), которые, на первый взгляд, не несут ярко выраженной идеологической окраски, но при этом, используем здесь термин из психологии, подразумевают некий трансфер – перенесение отношения к идеальному миру в празднике на наличествующую политическую реальность. В данной связи эффективной представляется гармонизация в праздничном мире традиционной формы (по образцу СССР) торжества и содержания, соответствующего идеям, декларируемым современностью, – инноваций, модернизации, демократического строительства. И здесь праздник становится мир-проектом, пролонгированным из прошлого в будущее. Мир-проект подразумевает построение в праздничном мире особой темпоральной схемы, которая объясняет логический ход истории. При наделении ценностным маркером событий праздник, прошлое воссоздается в настоящем и, таким образом, становится его легитимной предпосылкой. М. Деннис сказал по этому поводу: “История происходит сейчас, во время празднования. И другой истории у Америки нет” [2. С. 318]. И таким образом, привнесение в смысловой мир праздника актуальной сегодня идеи инновации способно продолжить цепь “прошлое – настоящее” звеном “будущее”. П. Рикёр, опираясь на Э. Гуссерля, пишет: “История есть процесс осмысления, поэтому традиция складывается не в прошлом, а в настоящем, то есть видится в прошлом, благодаря современности” [1. С. 345]. Идеи инноваций и будущего могут на практике презентоваться в таких техниках, как коллективная подготовка к празднику, конкурсы проектов, выставки достижений, экскурсии в историю в актуальном контексте. Немного далее П. Рикёр говорит о необходимости коллективного припоминания, цитируя Э. Кейси: “Поминание – это также своего рода вызывание в памяти в смысле повторной актуализации основополагающих событий, подкрепление призывом “помнить”, придающим торжественность церемонии, – поминать, – значит придавать торжественность, принимая прошлое всерьез и прославляя его в ходе соответствующих церемоний” [1. С. 346]. И в данной связи большое значение имеет повторяемость праздников, то есть систематическое поминание прошлого как достояния, и, соответственно, как часть настоящего, актуализируемую на публичной площадке. И в данной связи советская праздничная культура может служить примером создания цельной семиотической и смысловой сферы праздника как потенциально ностальгического опыта.

Что касается политического праздника как замкнутого на себе мира смысла, то здесь данное явление целесообразно рассматривать как механизм субъективации, так как смысл рождается в процессе прочтения некоего послания, в процессе коммуникации и согласия, как основы политического праздника. Проблемы включения политического праздника в социальную и образовательную практики обнаруживают некоторые особенности субъективации данного явления. Действительно, если в СССР политические праздники формировали календарь, конструировали картину мира, вовлекали граждан в процесс круглогодичного переживания и актуализации ценностей, то сегодня политический праздник не воспринимается как часть социальной жизни. Выражаясь метафорически, у данного явления есть очерченный политическим дискурсом контур, однако нет цветового содержания, которое необходимо для восприятия явления как своего, значимого, не выброшенного из плоскости лежащих на поверхности компонентов сознания. Демонстрация парада в честь Дня Победы по ТВ способна спровоцировать лишь временное закрепление патриотического настроения путем нагнетания эмоций; состояние не является устойчивым, так как не отсылает ни к “знанию-воле” (термин Г. Ричардсона), ни к общему контексту повседневности. Политический праздник, повседневность и образовательная среда должны быть включены не только в единую ценностную картину мира, но и единую семиотическую сферу. А.И. Щербинин в данной связи, опираясь на концепцию Лотмана, заключил: “В одной семиосфере не может быть двух доминирующих языков, как не может быть двух доминирующих матриц сознания” [3. С. 60].

Об эффективном образовательном механизме праздника можно говорить не тогда, когда он время от времени вбрасывает символы в социальный контекст, а когда личность, образовательная система и сам праздник совместно образуют те или иные смыслы. Речь идет о накоплении опыта. Любой информационный поток понимается и усваивается индивидом лишь в том случае, если его содержание коррелирует с предыдущим опытом индивида. То есть заложена матрица восприятия, а праздник – стимулирующее событие, которое актуализирует семиотическую матрицу. Современные учебные пособия информируют, но не формируют качественного, оценочного отношения к действительности. И здесь актуальным представляется понимание политического праздника как механизма политической культуры, включенного в нее своими когнитивными основаниями. Ведь очевидно, что привнесение ценностного аспекта, внедрение инноваций в образовательный процесс не будут эффективными без соответствующей работы в области политической культуры. Интересной представляется точка зрения К.Ф. Завершинского по поводу когнитивных основ политической культуры. Критикуя поведенческий и аксеологический подходы к ее определению, исследователь делает акцент на политической культуре как мозаике субъективных и объективных элементов: “Российской культурологии и политической философии свойственен редукционизм “обратной полярности”, то есть склонность рассматривать культурный план политики в рамках изначально заданных аксеологических схем” [4. С. 20]. Принимая данное положение как теоретическую основу, мы будем рассматривать ценности и опыт прошлого как составные элементы культуры, но не как ее основания, акцентируя при этом механизмы культуры и ее

формы. Поэтому стоит сделать замечание: советский идеал не является для нас идеалом в ценностном отношении, но служит примером эффективной работы политической культуры, и здесь нас интересует функциональная сторона. Итак, Завершинский в интерпретации культурных практик (каковой является и политический праздник) делает акцент на когнитивной составляющей, выраженной в модели праздника в апперцептивном опыте: “Возможность культурных и политических практик укоренена не в неких “коллективных формах сознания” или физикалистских объективных структурах, а в содержании дорефлективного cogito (у Бурдьё), в “предсознательной” способности любого индивида к сознательности (“knowledgebility”) (у Гидденса)” [4. С. 21].

Так и политический праздник, с одной стороны, выступает как явление культуры, а с другой – как когнитивная схема, включенная в культурный контекст когнитивными основаниями. Культура выступает и как матрица восприятия, наличествующий опыт, и смысл нового опыта (в нашем случае политического праздника) будет заключаться в приращении когнитивной составляющей. Подобное приращение предполагает получение общего представления (картина мира), продуцирующего поведенческие интенции. Такое когнитивное приращение возможно только в том случае, если символическая и ценностная сферы политического праздника продолжают свое существование в контексте повседневности (разумеется, в ином выражении). Политические праздники сегодня оказываются выброшенными из общего образовательного процесса по причине недостаточной работы фоновой повседневности по актуализации ценностей, происходит разрыв формы праздника и его смыслового наполнения. Таким образом, происходит нивелировка ценностей и исторического обоснования тех или иных явлений повседневности.

Праздник – прежде всего явление воспринимаемое, представляющее сложную модель взаимосвязи ценностного, эмоционального, рационального, контекстуального аспектов. Именно поэтому важно рассматривать праздничное явление в его когнитивном ракурсе.

В данной связи политический праздник как сложный когнитивный конструкт стоит анализировать в двух основных контекстах:

1. Схема когнитивного действия праздника как субъективная реконструкция связи с прошлым (временной “символический клей” Объективная реконструкция связи с прошлым как сложный когнитивный конструкт о, контекстуального аспектов.настроения путем);

2. Схема экстенсивной повседневности (актуализации явлений и ценностей повседневности; акцент делается на настоящем как на “новом”, явление соответствует особенностям времени).

Как было выяснено ранее, для гармоничного развития общества в ментальном дискурсе необходимо логичное объяснение связи “прошло-настоящего-будущего”, а также четкая оценка социальных изменений. Политический праздник способен воссоздавать в себе то или иное событие прошлого в ценностном ключе и таким образом, выражаясь словами Дж. фон Гелдерна, установить “необходимые фреймы, позволяющие упростить восприятие реальности на основе темпорального ощущения”[5. С. 85]. В случае

эффективной работы праздника темпоральное восприятие реальности опирается на календарное закрепление памятных дат. И, таким образом, преобразование коллективной памяти происходит повсеместно, параллельно линейному вектору времени.

А.И. Щербинин в статье “Красный день календаря: формирование матрицы восприятия политического времени в России”, ссылаясь на точку зрения историка П. Нора, заключает: “Календарь находится на границе истории и памяти, превращая первую во вторую, задавая траекторию восприятия истории (и политики, как истории креативной)” [3. С. 62]. Политический праздник – работа памяти. И в данной связи коллективная память представляет собой основу для наслоения актуальных отношений настоящего. Невозможно создать эффективный проект будущего в настоящем без глубокого осмысления истоков этого настоящего, то есть без работы с прошлым. Ценностный (идеологический) лаг, образовавшийся после распада СССР, несет психологический и социальный дискомфорт, он не заполнен, в массовом политическом сознании не сформированы новые схемы понимания мира, которые могли бы составить основу современной российской политической культуры. Как следствие, в общественном дискурсе формируется некий ностальгический запрос, который выражает собственно потребность в разрешении противоречия. О.В. Шабурова, Н.С. Смолина в статье “Ностальгический дискурс в конструировании коллективной идентичности ” пишут: “В этом смысле постсоветская коллективная идентичность фундирована элементами прошлой эпохи. Приметы советской эпохи выполняют своего рода компенсаторную функцию в адаптационных процессах, а ностальгия становится одним из способов коллективной реакции на социальную травму, наряду с попытками нормализации, «негативизации» прошлого или утопической идеей возвращения” [6].

Явление, описанное данными авторами, позволяет сделать вывод о том, что работа памяти в современной России должна осуществляться в связи именно с советским прошлым, гармонизировать травму перестройки, с одной стороны, а с другой, образцом для современной работы памяти должна выступать праздничная культура СССР как механизм формирования ценностей и идеалов (смысла) и информирования (знания). Здесь в когнитивной модели политического праздника необходимо сделать акцент на слиянии коллективного и индивидуального видов опыта. И здесь интересной представляется точка зрения Х. Вельцера по поводу автобиографичности памяти: “Память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим. Как и все прочие системы памяти, автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем” [7]. Поэтому необходимо в работе с памятью создавать психологический комфорт, гармонизировать связь “прошлое-настоящее” через ассоциативно-ценностную матрицу биографии человека. Необходимо через слияние коллективного и индивидуального опытов вывести связь с прошлым вначале на эмоциональный, а затем на когнитивный уровень (это возможно в празднике). Ведь именно когнитивный компонент культуры составляет ее основу и побуждает к систематическим действиям, которые впоследствии закладывают традицию. Немного далее Х. Вельцер пишет: “Эмо-

циональное отношение к прошлому, которое создается в семье, порождает совсем иную картину истории, чем та, какую преподают на уроках истории. Историческое сознание обнаруживает не только когнитивные, но и эмоциональные измерения, которые могут находиться с когнитивными в резком противоречии. Иными словами, знания об истории и употребление этих знаний – не одно и то же”[7]. Что касается первого аспекта работы памяти, то пространство советского – особое пространство в коллективном сознании, которое необходимо принять. Ведь только тогда оно перестанет быть пульсирующим противоречием, воронкой исторической инертности, о которой писал А. С. Ахиезер [8. С. 20–45]. Ностальгия – и есть до известной степени потребность в некоторой степени в доверии пространству, насильно опустошенному. Таким образом, в понимании праздника как необходимого механизма памяти мы должны принимать во внимание основное сосредоточение этой памяти. Ведь праздник способен заряжать пространства настоящего священным импульсом (на публичной площадке) и тем самым снимать напряжение с болезненного пространства прошлого. Историческое развитие невозможно без соответствующего развития понимания этого процесса в массовом сознании, то есть без формирования исторического сознания как спутника перемен. После радикального отвержения одной картины мира процесс развития и образования новой схемы невозможен, так как разрушается внутренняя субъективная логика перехода. В российском политическом сознании история не актуализирована как всеобщий опыт, она воспринимается как противоречивый, абстрактный образ, так как нет необходимой активности для ее осмысливания в социальных практиках (одной из которых может являться праздник). И.И. Глебова в данной связи в своем исследовании “*Политическая культура России: образы прошлого и современность*” цитирует М. Феретти: “Памяти самой по себе, так же как и прошлого, не существует. Это всегда конструкция, результат непрерывной активности, порой сознательного, а порой бессознательного взаимодействия многочисленных людей и разнонаправленных сил, которые снова и снова ткнут воздушное покрывало прошлого”[9. С. 311]. Для совместной интерпретации прошлого необходима непрерывная работа в настоящем по интерпретации истории в ценностном ключе. В противном случае противоречия памяти будут составлять лауну в картине восприятия настоящего. Политически праздник в своей когнитивной схеме способен презентовать единое понимание истории. М. Деннис заключил: “Политический праздник – это и есть свершение истории. Вне своей актуализации истории не существует” [2. С. 21].

Интересным представляется суждение П. Бурдые о том, что существуют некоторые виды искусства (сферы общественной жизни), “где культурные продукты наделены аурой свершившейся легитимации – музыка, скульптура, литература, театр” [10. С. 50]. И здесь массовые празднества, как заверял А.В. Луначарский, должны обращаться к эстраде, театру и другим видам самодетельности [11. С. 45–60]. Очевидно, путем сопереживания в искусстве человек приобщался к ценностям праздника, то есть легитимность переносилась из эмоциональной сферы в ценностную. Данные возможности искусства были успешно реализованы большевиками в новой праздничной культуре. Таким образом, путем обращения к различным семиотическим кодам поли-

тический праздник наделяет свое содержание, то есть историю, маркером доверия, история свершается в некоторой культурной инсталляции современности и поэтому происходит как момент этой самой современности, понятный и близкий каждому. Автор культурологического исследования “The Festive state” Д. Гусс рассматривает праздник как статичную форму, через которую проходят образы реальности, а человечество со временем смотрит в новое отражение и учится, приобретает ценности. “В какой бы реальности не находился праздник – это культурная инсталляция, через которую на протяжении веков проходят социальные изменения, переведенные на ценностный язык” [12. С. 301]. Далее автор заключает, что параллельность двух историй осуществляется за счет помещения в рамку тех или иных событий, но по сути помещенный в рамку кусочек продолжает являться частью этого фона.

Кроме того, потребность в легитимации прошлого являет себя в необходимости самоидентификации, чего не достает современному российскому обществу. Сложно иметь представление о себе, если нет представления о мире, выходцами из которого мы являемся. В качестве защитной реакции на обрушившиеся перемены (распад СССР) человеку проще всего воспринимать себя вне истории вовсе. А. Усманова в статье “Советская визуальная культура как объект антропологического исследования” заключает: “Люди, испытавшие на себе опыт социалистического переустройства общества подвержены особой форме коллективной амнезии, сознательного и бессознательно вытеснения травматического прошлого, – сначала советские люди пытались забыть жизнь до революции, потом жизнь при Сталине, а теперь – вообще все советское” [10. С. 50].

Современное общество парадоксально функционирует в рамках дихотомии самоотрицания и как реакции на него – самоактуализации. С одной стороны, происходит повсеместное отвержение советского прошлого, низведение его до профанации массовой бытовой критикой, а, с другой стороны, на фоне этого появляется стремление заполнить ценностный лаг путем построения теоретических концептов будущего. Примерами таких попыток могут служить: концепция суверенной демократии, постоянно декламируемая в дискурсе власти необходимость следования вектору модернизации, стремление власти говорить от себя и от имени оппозиции одновременно – прием акцентуации президентом и премьером недостатков существующего режима. Социальные практики коллективного оценивания (каким является праздник) способны в данной связи при грамотном внедрении и осмыслении легитимировать современный режим с помощью персонификации и осознания своего исторического “я” людьми, лишенными прошлого (отрицание советского). Возможно, привязка современных праздников к советской истории, но с новым ценностным наполнением повестки дня, будет являть собой эффективную самоактуализацию, то есть осознание прошлого как основы для наслоения этой самой повестки дня. М. Деннис высказался по поводу сути политических праздников: “Такие общественные празднования являются кульминационными точками истории, они становятся единой мистической зоной в осознании обществом себя. В таких моментах граждане преобразуют историю, то есть они ‘узаконивают’ свое место в коллективном национальном прошлом” [2. С. 56]. Таким образом, политический праздник, как работа па-

мяти, является и селективным механизмом. То есть, делая акцент на тех или иных событиях, данное явление при успешном своем воплощении формирует индивидуальный опыт по определенному заказу современности. Человек сегодня получает право, закрепленное эмоционально на священных подмостках праздника, быть в конкретном (интерпретируемом конкретным образом) прошлом. Подобная связь с историей создает психологический комфорт. Далее Деннис цитирует П. Нора: “Память является особой жизнью, всегда включенной в живущие ныне общества и в постоянную эволюцию, подлежащую диалектике памяти и забвения” [2. С. 13]. И. И. Глебова назвала данный процесс в волевом измерении дискурса власти “колонизацией прошлого” [9. С. 58]. И “колонизация” прошлого посредством праздника представляется достаточно эффективной, благодаря возможности праздничного явления “переоткрывать пространства прошлого”, составлять темпоральный каркас повседневности, объяснять и легитимировать политический режим путем интерпретации истории и работы памяти.

М. Деннис, исследуя американские праздники, ссылается в данной связи на П. Нора: “Такие общественные праздники сами по себе являются кульминационными точками истории: массовые и элитарные, народные и академические. Идентификация осуществляется на фоне единого настроения. В такие моменты американцы преобразуют историю, то есть они определяют сами свое место в коллективном национальном прошлом” [2. С. 17]. И исторический политический праздник в некоторой степени отвечает человеку на вопрос, кто он, откуда он пришел и что для него в мире важно. Важнейшим аспектом в переозначивании истории является единение. То есть единение в настоящем, в моменте празднования проецируется на патриотическое восприятие истории вообще. Это имеет большое значение для политической культуры с доминированием коллективистских ценностей. Поэтому с событиями истории нужно “работать” именно с аксеологической точки зрения. Кроме того, политический праздник, работая с памятью, легитимирует политический режим через презентацию прошлого как идеального или приближенного к идеалу. В данной связи интересна точка зрения Ж.Л. Шабо, который указывает на то, что сознание человека стремится не только познавать, но и преобразовывать окружающий мир в соответствии с идеальным представлением [13]. И только в том случае, если человеку дается основа для подобного “воображения-преобразования”, политический режим эффективно легитимируется. Такой основой и служит политический праздник. Он содержит в себе когнитивную схему, в основе которой идея преобразованного порядка.

Итак, политический праздник является механизмом политической культуры, в силу своей когнитивной схемы способен участвовать в ее воспроизводстве. В особом мире, создаваемом данным явлением, актуализируются ценности, достигается легитимация политического режима. Благодаря своей способности работать с памятью праздник может выполнять функцию селекции образов прошлого, гармонизировать в сознании ход истории и таким образом стимулировать патриотические чувства. В этом смысле данный феномен является актуальным для современной российской политической реальности как необходимый механизм преодоления, “узаконивания” прошлого и

объяснения картины настоящего. Поскольку сегодня невозможно в точности воссоздать советскую праздничную культуру (которая все же является для нас образцом), перед нами встает проблема четкости идеологического послания в празднике. В данной связи инициаторам мероприятий необходимо выработать четкую концепцию данного явления для современной России. Рекомендуется сделать акцент на патриотическом аспекте праздника и на создании праздником особой темпоральной схемы, в которой возможно гармонизировать идеи настоящего и актуализировать достижения прошлого.

Литература

1. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004.
2. Dennis Mathew. Red, White and Blue Letter Day. Ithaca & London: Cornell University Press, 2002.
3. Щербинин А.И. Красный день календаря: формирование матрицы восприятия политического времени в России // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. 2008. №2(3). С. 57–65.
4. Завершинский К.Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. 2002. №3. С. 19–28.
5. Geldern James. Bolshevik Festivals, 1917–1920. London: University of California Press, 1993.
6. Шабурова О.В., Смолина Н.С. Ностальгический дискурс в конструировании коллективной идентичности [Электрон. ресурс] // Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России: интернет журн. 17.11.09. Режим доступа: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=26>.
7. Вельцер Х. История, память и современность прошлого [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. №2: Интернет-издание. 11.05.05. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3.html>.
8. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т.1. М.: Философское общество, 1991.
9. Глебова Г.И. Политическая культура России: образы прошлого и современность. М.: Наука, 2006.
10. Усманова А. Советская визуальная культура как объект антропологического исследования // Визуальная антропология. Саратов, 2007. С. 21–55.
11. Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде, цирке. М.: Искусство, 1981.
12. Guss David. Festive state. – Berkeley, Calif.: University of California Press, 2000.
13. Шабо Ж.-Л. Основные типы легитимности // Полис. 1993. №5. С. 30–37.